

МОЛОДАЯ ФИЛОЛОГИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2022-3-100-106

Р. Р. Ахунова¹

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы*

ОБРАЗ РАХИЛИ В РОМАНЕ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматриваются особенности актуализации библейского образа Рахили в главе «Верующие бабы» из романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, обусловленные творческой контаминацией мифопоэтических, фольклорных и автобиографических мотивов, а также фабульной трансформацией библейской легенды.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», Библия, Зосима, Рахиль

R. R. Akhunova

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

THE IMAGE OF RACHEL IN F.M. DOSTOYEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARMAZOV"

The article discusses the mainstreaming features of the Biblical image of Rachel in the chapter «Believing women» from the novel “The Karamazov brothers” by F. M. Dostoevsky, forced by the creative combination of mythopoeic, folk and autobiographical motifs, as well as the plot transformation of the biblical legend.

Keywords: F. M. Dostoevsky, the Brothers Karamazov, Bible, Zosima, Rachel

В художественном мире романа Достоевского «Братья Карамазовы» фигурирует значительное количество библейских образов: это Адам и Ева, Каин, Авраам, Илия, Иов, Христос, Лазарь, Рахиль и др. [Скуридина, 2014, с. 7; Цакалиди, 2015, с. 188]. «Имя Рахили связано с несколькими библейскими сюжетами: о сватовстве и женитьбе патриарха Иакова (Быт., 29–35), о вавилонском пленении евреев Навуходоносором (Иер., 31:15) и о Рождестве Христовом (Мф., 2: 18). Рахиль упоминается в Рождественское Богослужение (Царские часы, 9-й час), во время Великого Поста в Великом каноне Андрея Критского и во время обряда венчания» указывает Ю. И. Кудряшова [Кудряшова, 2010, с. 77]. Рассмотрим в этом ряду ее образ, который связан с такими библейскими сюжетами, как сватовство, женитьба патриарха Иакова и вавилонское пленение евреев Навуходоносором.

¹ Рина Рушановна Ахунова – аспирант БГПУ им. М. Акмуллы. rina.galeeva.1992@mail.ru.

Образ Рахили в Библии многогранен и символичен. По мнению Ю. Н. Гойко, в нем можно выделить следующие составляющие: «Рахиль – это не просто горячо любимая жена, это и некая высшая цель, то, ради чего стоит трудиться и семь <...>, и четырнадцать, и сколько угодно лет. Рахиль выступает символом идеала, за который борются, духовной любви, за которую платят большую цену. Рахиль – это надежда, цель, обещанное сокровище, обетованная земля, воплощенная молитва, плач за народ» [Гойко, 2020, с. 140].

В иудейской традиции образ Рахиль – символ матери, плачущей о своих сыновьях, поэтому ее могила в Бейт-Лехеме стала местом паломничества скорбящих женщин. В произведениях русской литературы преимущественно реализованы два сюжета, связанные с данным образом. Это, во-первых, любовная история Иакова и Рахили (показательный пример – стихотворение А. А. Ахматовой «Рахиль» из цикла «Библейские стихи») [Ахунова, 2021], во-вторых, драматический сюжет о Рахили, плачущей в Вифлееме о своих сыновьях, воспроизведенный, например, в стихотворении В. Ходасевича «Слезы Рахиль». Он разработан и в последнем романе Достоевского.

Имя Рахиль упоминается в третьей главе второй книги «Братьев Карамазовых», в которую входит описание встречи Зосимы с «верующими бабами». Она пронизана мотивом материнских страданий и переживаний, обретая в библейском контексте архетипический смысл. Но, актуализируя его, писатель в значительной степени трансформировал библейскую фабулу²: во-первых, им произведена «замена места действия и исторической приуроченности» [Назирова, 1995, с. 3]. В третьей главе романа действие разворачивается в 1866 году возле небольшого монастыря неподалеку от города Скотопригоньевск, куда женщины пришли к иеросхимонаху Зосиме. В библейском же тексте рассказывается об изгнании из Вифлеема Рахили, оплакивающей «детей Израиля».

Во-вторых, осуществлена «парафраза – свободное переложение фабулы» наряду с «цитацией» ее структуры («так называемой quasi-цитаты») [Назирова, 1995, с. 3]. Плачущей Рахили Бог говорит: «Удержи голос твой от рыдания и глаза твои от слез <...> и возвратятся сыновья твои в пределы свои» (Иер., 31:14). Аналогично с утешительными словами к плачущей крестьянке обращается старец Зосима: «...это древняя “Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, потому что их нет”, и таковой вам, матерям, предел на земле положен. И не утешайся, и не надо тебе утешаться, не утешайся и плачь...» (т. 14, с. 46). Здесь Зосима, цитируя библейский текст, свободно его комментирует и толкует в конкретном жизненном контексте.

В-третьих, в романе Достоевского очевидна «редукция» [Назирова, 1995, с. 3] библейской фабулы, писатель значительно ее сокращает, оставляя только мотив утешения материнских страданий. Такая художественная трансформация

² О сравнительной истории фабул и их трансформации в литературе см. фундаментальную работу Р. Г. Назирова: [Назирова, 1995]. URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-tradicii.php> (дата обращения: 20.10.2021). В данной статье используется его категориальный аппарат, прежде всего формулировки способов фабульной трансформации.

фабулы-архетипа обусловлена, на наш взгляд, автобиографическим контекстом. В главе «Верующие бабы» прослеживается связь со смертью младшего сына писателя Алеши, не дожившего нескольких месяцев до трехлетия. Примерно в этом же возрасте умирает младший сын Настасьюшки, которого тоже звали Алексеем: «Сыночка жаль, батюшка, трехлеточек был, без трех только месяцев и три бы годика ему» [Достоевский, 1976, Т. XIV, с. 45].

Неслучайно А. Г. Достоевская узнала в этой главе автобиографический сюжет («Многие мои сомнения, мысли и даже слова запечатлены Федором Михайловичем в “Братьях Карамазовых” в главе “Верующие бабы”, где потерявшая своего ребенка женщина рассказывает о своем горе старцу Зосиме») [Достоевская, 1993, с. 244], хотя в романе он заявлен не сразу: «Отметим, что мать рассказывает о смерти сына (этот рассказ занимает две страницы), ни разу (!) не упомянув его имени. Налицо как бы затянувшееся “сокрытие” имени. Его как будто не решается назвать. Но в конце концов Настасьюшка вынуждена “открыть” это милое имя для заупокойной молитвы, ибо прозорливец Зосима вопрошает: “А младенчика твоего... как звали-то?” И тогда наступает почти детективная развязка, прозвонится имя-признание: “Алексеем, батюшка”» [Архангельская, 2011, с. 82].

В июне 1878 года, как и убитая горем Настасьюшка, Достоевский отправляется в монастырь к знаменитому старцу: «Вернулся Федор Михайлович из Оптиной Пустыни как бы умиротворенный и значительно успокоившийся и много рассказывал мне про обычаи Пустыни, где ему привелось пробыть двое суток. С тогдашним знаменитым “старцем” о. Амвросием Федор Михайлович виделся три раза: раз в толпе, при народе, и два раза наедине, и вынес из его бесед глубокое и проникновенное впечатление. Когда Федор Михайлович рассказал “старцу” о постигшем нас несчастии и моем слишком бурно проявившемся горе, то старец спросил его: верующая ли я, и когда Федор Михайлович отвечал утвердительно, то просил его передать мне его благословение, а также те слова, которые потом в романе старец Зосима сказал опечаленной матери: “А младенчика твоего помяну за упокой <...> Помяну, мать, помяну и печаль твою на молитве вспомяну и супруга твоего за здравие помяну” [Достоевская, 2015, с. 244].

Таким образом, фабульная ситуация, первоначально заданная в Библии, была в полной мере пережита самим автором, но воспроизведена в соответствии с собственной повествовательной стратегией [Бэлнеп, 1977, с. 121]. Многими исследователями давно отмечено, что повествование в романе «Братья Карамазовы», как и в других произведениях Достоевского, полифонично: «Одни и те же события преломляются через множество разных сознаний» [Кожевникова, 1994, с. 285]. В данном случае очевидно преломление образа Рахили через призму видения старца Зосимы, рассказчика и автора.

Иеросхимонах Зосима – духовный центр и воплощение христианского идеала в романе: «Многие из теснившихся к нему женщин заливались слезами умиления и восторга, вызванного эффектом минуты; другие рвались облобызать хоть край одежды его, иные что-то причитали. Он благословлял всех, а с иными разго-

варивал» [Достоевский, 1976, Т. XIV, с. 45]. Среди одиннадцати женщин, ожидающих старца у деревянной ограды храма, Зосима замечает крестьянку, причитающую по умершему сыну. Она уже похоронила трех сыновей, но смерть последнего ребенка стала для нее самой тяжелой. Старец, дважды обращаясь к ней: «вот что, мать...», «посему знай и ты, мать...» [Достоевский, 1976, Т. XIV, с. 46], подчеркнуто проводит параллель: «Это древняя «Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, потому что их нет» [Достоевский, 1976, Т. XIV, с. 46].

Утешая «верующую бабу», Зосима апеллирует к древней традиции и, «цитируя» ее, дополняет свое слово авторитетным суждением: «Вот что, мать, – проговорил старец, – однажды древний великий святой увидел во храме такую же, как ты, плачущую мать и тоже по младенце своем, по единственному, которого тоже призвал Господь. «“Или не знаешь ты», – сказал ей святой, – сколь сии младенцы пред престолом Божиим дерзновенны?”» [Достоевский, 1976, Т. XIV, с. 45].

Говоря о Рахили, старец призывает женщин смириться, утешает их обещанием молиться за детей и близких. Он наставляет матерей, призывая их помнить о семье, муже, любить свой дом, не нарушать блаженство умерших детей. Мудрый Зосима поясняет, что сны матерей об их умерших детях – это благая весть о встрече с ними в вечной жизни. С теми же словами обращался к Рахили Господь, когда они вместе с Иаковом шли в Беэр-Шеву: «Удержи голос твой от рыданий, а глаза от слёз... и возвратятся они из земли чужой! Есть надежда на будущее твоё... и возвратятся дети в пределы свои!» (Иер., 31:16). Крестьянку из романа «Братья Карамазовы», оплакивающую сына, зовут Анастасия. В переводе с греческого языка это имя означает «воскрешение», «возвращение к жизни». Утешая ее, Зосима действительно возвращает горюющую мать к жизни, сравнивая ее переживания с чувствами библейской Рахили.

В приемах нарративной организации романного текста проступает и позиция рассказчика. Через призму его слова раскрывается душевное состояние персонажей произведения. Диалог плачущей бабы и старца Зосимы воспроизводится именно рассказчиком. Он описывает Настасьюшку, обращающуюся к Зосиме: «– А вот далекая! – указал он на одну еще вовсе не старую женщину, но очень худую и испитую, не то что загоревшую, а как бы всю почерневшую лицом. Она стояла на коленях и неподвижным взглядом смотрела на старца. Во взгляде ее было что-то как бы иступленное» [Достоевский, 1976, Т. XIV, с. 45].

Выразительные портретные детали создают образ страдальцы. В описании горюющей матери повествователь использует большое количество глаголов: «молчит», «надрывает», «раздражает», «пробьется слезами», «уходит», «причитает» [Достоевский, 1976, Т. XIV, с. 45], тем самым раскрывая весь спектр переживаний героини. Она не просто страдает по умершему сыну, а утопает в своем горе, причитаниями лишь раздражая «беспереывную рану» [Достоевский, 1976, Т. XIV, с. 45]. Надрывная речь крестьянки, которая передана рассказчиком в сказовой манере, напоминает народные причитания: «...говорила она как бы причитывая» [Достоевский, 1976, Т. XIV, с. 45]. Для поэтики такого плача характерно

использование лексических и синтаксических повторов: «...по сыночку мучаюсь, отец, по сыночку», «...забыла я, обо всем забыла и помнить не хочу», «...взглянула на него разочек, лишь разочек» [Достоевский, 1976, Т. XIV, с. 45]. Кроме того, для эмоционального усиления народного плача обильно используются уменьшительно-ласкательные суффиксы («младенчика», «бельишечко», «рубашоночку», «голосочек», «Никитушка») [Достоевский, 1976, Т. XIV, с. 45].

В целом, библейский образ Рахили в романе Достоевского «Братья Карамазовы» актуализируется в первую очередь за счет трансформации библейской фабулы, включая замену места действия и исторической приуроченности, редуцированную парафразу событийной основы наряду с «цитацией» ее структуры в пересказе старца Зосимы. Именно он свободно комментирует библейский текст, соотнося его с конкретной жизненной ситуацией, что обусловлено и опытом авторских переживаний, связанных со смертью младшего сына. Большую роль в художественной актуализации образа Рахили играет также повествовательная стратегия Достоевского, преломляющего библейский образ через призму слова старца Зосимы и рассказчика. Так автором организуется сказовое повествование, благодаря которому «мимоидущий лик земной и вечная истина» [Достоевский, 1976, Т. XIV, с. 45] соприкасаются вместе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архангельская, В. В. Имя Алексей как мотив в романе «Братья Карамазовы» / В. В. Архангельская // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 79–88. – URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/14> (Дата обращения: 22.06.2021).

Ахунова, Р. Р. Особенности интерпретации библейских женских образов в лирике А. А. Ахматовой / Р. Р. Ахунова // Культура и текст. – 2021. – № 3. – С. 239–245. – URL: <https://journal-altspu.ru/kultura-i-tekst-2021-3-46> (Дата обращения: 23.01.2022).

Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославян. языке с параллел. местами. – Москва: Изд-во Рос. библ. о-ва, 2006. – 1376 с.

Бэлнеп, Р. Л. Структура «Братьев Карамазовых» / Р. Л. Бэлнеп. – Санкт-Петербург: Академический проект, 1977. – 144 с.

Гойко, Ю. Н. Библионимы как знаки интертекстуальности: особенности функционирования в поэтическом тексте / Ю. Н. Гойко // Сборник трудов якутской духовной семинарии. – 2020. – № 7. – С. 137–146. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43324309> (Дата обращения: 1.02.2021).

Достоевская, А. Г. Воспоминания. – 1846–1917 / А. Г. Достоевская / вступит. статья, подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова / А. Г. Достоевская. – Москва: ООО «Бослен», 2015. – 768 с.

Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград: Наука, 1976 –... Т. 14: Статьи и рецензии. Художественные произведения. – С. 44–46.

Кожевникова, Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. / Н. А. Кожевникова. – Москва, 1994. – 328 с.

Кудряшова, Ю. И. Рахиль – блаженная смерть в стихотворении Тэффи «Иду по безводной пустыне» / Ю. И. Кудряшова // Вестник удмуртского университета. Серия история и филология. – 2010. – № 4. – С. 77–83. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16215730_39099709.pdf (Дата обращения: 10.02.2021).

Липунцов, М. И. Образ старца Зосимы как центр духовной жизни в романе «Братья Карамазовы Ф. М. Достоевского» / М. И. Липунцов // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2021. – № 2. – С. 188–189. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46215859_53901040.pdf (Дата обращения: 14.04.2021).

Назирова, Р. Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул: дис. ... в виде научного доклада ... д-ра филол. наук: специальность 10.01.01 / Назирова Ромэн Гафанович. – Уфа, 1995. – 46 с.

Словарь библейских образов / под общ. редакцией Л. Райкена, Дж. Уилхойга, Т. Лонгмана III. – Санкт-Петербург: Русское издание «Библия для всех», 2005. – 1423 с.

Скуридина, С. А. Ветхозаветные и новозаветные фоновые онимы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / С. А. Скуридина // Воронежский государственный архитектурно-строительный университет. – 2014. – № 14. – С. 6–11.

Цакалиди, Т. Г. Библизмы – имена собственные в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Функциональный аспект / Т. Г. Цакалиди // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. – 2015. – № 6. – С. 188–194. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25082876_15300576.pdf (Дата обращения: 03.05.2021).

REFERENCES

Akhunova, R. R. Osobennosti interpretatsii bibleyskikh zhenskikh obrazov v lirike A. A. Akhmatovoy / R. R. Akhunova // Kultura i tekst. – 2021. – № 3. – С. 239–245. – URL: <https://journal-altspu.ru/kultura-i-tekst-2021-3-46> (Дата obrashcheniya: 23.01.2022).

Arkhangelskaya, V. V. Imya Aleksey kak motiv v romane «Bratya Karamazovy» / V. V. Arkhangelskaya // Izvestiya uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: gumanitarnyye nauki. – 2011. – № 1. – С. 79–88. – URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/14-27-1-SM.pdf> (Дата obrashcheniya: 22.06.2021).

Belnep, R. L. Struktura «Bratyev Karamazovykh» / R. L. Belnep. – Sankt-Peterburg: Akademicheskij proyekt, 1977. – 144 s.

Bibliya: knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta na tserkovnoslavyan. yazyke s parallel. mestami. – Moskva: Izd-vo Ros. bibl. o-va, 2006. – 1376 s.

Dostoyevskaya, A. G. Vospominaniya. – 1846–1917 / A. G. Dostoyevskaya / vstupit. statya, podgot. teksta, primech. I. S. Andrianovoy i B. N. Tikhomirova / A. G. Dostoyevskaya. – Moskva: OOO «Boslen», 2015. – 768 s.

Dostoyevskiy, F. M. Bratya Karamazovy / F. M. Dostoyevskiy // Dostoyevskiy F. M. Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t. – Leningrad: Nauka, 1976 –... T. 14: Stati i retsenzii. Khudozhestvennyye proizvedeniya. – S. 44–46.

Goyko, Yu. N. Biblionimy kak znaki intertekstualnosti: osobennosti funktsionirovaniya v poeticheskom tekste / Yu.N. Goyko // Sbornik trudov yakutskoy dukhovnoy seminarii. – 2020. – № 7. – S.137–146. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43324309> (Data obrashcheniya: 1.02.2021).

Kozhevnikova, N. A. Tipy povestvovaniya v russkoy literature XIX–XX vv. / N. A. Kozhevnikova. – Moskva, 1994. – 328 s.

Kudryashova, Yu. I. Rakhil – blazhennaya smert v stikhotvorenii Teffi «Idu po bezvodnoy pustyne» / YU.I. Kudryashova // Vestnik udmurt'skogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya. – 2010. – № 4. – S. 77–83. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16215730_39099709.pdf (Data obrashcheniya: 10.02.2021).

Lipuntsov, M. I. Obraz startsa Zosimy kak tsentr dukhovnoy zhizni v romane «Bratya Karamazovy F. M. Dostoyevskogo» / M. I. Lipuntsov // Bogoslovskiy sbornik Tambovskoy dukhovnoy seminarii. – 2021. – № 2. – S. 188–189. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46215859_53901040.pdf (Data obrashcheniya: 14.04.2021).

Nazirov, R. G. Traditsii Pushkina i Gogolya v russkoy proze. Sravnitel'naya istoriya fabul: dis. ... v vide nauchnogo doklada ... d-ra filologicheskikh nauk: 27.09.95 / Nazirov Roman Gafanovich. – Ufa, 1995. – 46 s.

Slovar bibleyskikh obrazov / pod obshch. redaktsiyey L. Raykena, Dzh. Uilkhoyta, T. Longmana III. – Sankt-Peterburg: Russkoye izdaniye «Bibliya dlya vsekh», 2005. – 1423 s.

Skuridina, S. A. Vetkhozavetnyye i novozavetnyye fonovyye onimy v romane F. M. Dostoyevskogo «Bratya Karamazovy» / S. A. Skuridina // Voronezhskiy gosudarstvennyy arkhitekturno-stroitelnyy universitet. – 2014. – № 14. – S.6–11.

Tsakalidi, T. G. Bibleizmy – imena sobstvennyye v romane F. M. Dostoyevskogo «Bratya Karamazovy». Funktsionalnyy aspekt / T. G. Tsakalidi // Novaya nauka: Teoreticheskii i prakticheskii vzglyad. – 2015. – № 6. – S. 188–194. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25082876_15300576.pdf (Data obrashcheniya: 03.05.2021).